

УДК 93.1

ДВОРЯНСТВО И КУПЕЧЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕЖСОСЛОВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ДОРЕФОРМЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ГУДОВ Дмитрий Сергеевич,
аспирант,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ межсословных взаимоотношений дворянства и купечества в дореформенный период. Были рассмотрены такие формы взаимоотношений как брак, частное кредитование, акционерная форма партнерства в промышленности, взаимодействие в рамках хозяйственной деятельности помещного дворянства и купечества, их межличностные отношения в контексте повседневности. Особое внимание уделено социально-психологическому аспекту в данных взаимоотношениях.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дворянство, купечество, межсословные взаимоотношения, социальная психология, дореформенный период.

NOBILITY AND MERCHANTS IN THE SYSTEM OF INTER-CLASS RELATIONSHIPS WITHIN
THE FRAMEWORK OF PRE-REFORM EVERYDAY LIFE

GUDOV D. S.,
Post-Graduate Student,
Belgorod State National Research University

ABSTRACT. The article presents an analysis of inter-class relationships between the nobility and the merchants in the pre-reform period. Such forms of relationships as marriage, private lending, the joint-stock form of partnership in industry, interaction within the framework of the economic activities of the local nobility and merchants, their interpersonal relationships in the context of everyday life were examined. Particular attention is paid to the socio-psychological aspect in these relationships.

KEY WORDS: nobility, merchants, inter-word relationships, social psychology, pre-reform period.

Социально-психологические основы межсословных взаимоотношений выстраивались веками и поддерживались сословным характером российского законодательства. Межличностные отношения представителей каждого сословия базировались на социальном самосознании, которое подкреплялось юридически в определенных правах и обязанностях. Сословная парадигма, сформировавшаяся во второй половине XVIII в., определила массовое общественное сознание и место каждой сословной группы в общей социальной иерархии. Широкий спектр межсословных взаимоотношений дворянства и купечества можно условно разделить на два периода, рубежом между которыми выступили преобразования 1860-1870-х гг.

В дореформенный период были заложены нормативные основы сословного строя Российской империи. Современные исследователи социальной истории отмечают, что сословная структура получила юридическое оформление в законодательных актах 1785 г. («Жалованная грамота городам» и «Жалованная грамота дворянству») и в Своде законов Российской империи, опубликованном в 1832 г. и вступившем в силу в 1835 г. [18, с. 77]. В них был определен порядок общественной жизни и специфика межсословных взаимоотношений. Взаимоотношения дворянства и купечества строились через призму массового сознания общепринятой сослов-

ной парадигмы. В отдельных воспоминаниях отмечалась межсословная социально-психологическая обособленность дворянства и купечества друг от друга: «Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху в дворянской. Если купец принимал дворян, это значило, что он добивался подряда, ордена или медали, норовил дочь выдать за «благородного» [4, с. 62]. При этом полной замкнутости данных сословных корпораций не существовало, их взаимоотношения имели ограниченные масштабы и специфические особенности.

Довольно часто в воспоминаниях говорится о стремлении купцов получить дворянские привилегии, чтобы приблизиться в своем положении к дворянству – «облагородиться». Данный феномен был довольно распространен особенно в конце XVIII – начале XIX вв. и получил название «чинобесие». Представители купечества указывали: «А таковые, хотя и редко еще, но уже имелись среди лиц из купечества, тех, кои были одержимы болезнью «чинобесия». Это, я не скажу «принижение», но во всяком случае не первенствующее положение купечества сохранилось до самых дней революции, но оно не имело уже такой грубой формы уже начиная со второй половины XIX века» [3, с. 40]. Современные исследователи социальной психологии купечества отмечают, что высшим стремлением для большинства купцов в дореформенный период было получение дворянского титула. Опираясь на литературные произведения начала XIX в., авторы подтверждают данную тенденцию и отмечают стяжа-

тельство и «чинобесие», как характерные купеческие черты [2, с. 162]. Примером таких произведений можно считать пьесу П.А. Плавильщикова «Сиделец», где образ купечества в основной массе представлен схожим образом. Стоит отметить, что появлялись и новые тенденции, не характерные для XVIII в.: в первую очередь, тяга к образованию и воспитание детей на дворянский манер.

Одворянивание представителей купечества в дореформенный период не ограничивалось известными примерами тульского оружейника Н. Антуфеева, ставшего нижегородским дворянином (Никита Демидов), откупщика С. Собакина, превратившегося в коллежского асессора (Савва Яковлев). Региональные исследования подтверждают возможности подобных переходов: «Иные из одворянившихся промышленников сумели приобрести не только внешний лоск, прикрывший убожество духовной жизни владельца колоссальных богатств, но и подняться до вершин русской культуры XVIII века» [6, с. 355]. Архивные материалы по Центрально-черноземному региону также содержат подтверждающие факты, в частности, дело по прошению обоянского купца третьей гильдии А. Степанова о присвоении ему прав дворянина [7, л. 25]. Для представителей купечества предполагался переход в дворянское сословие за выслугу до определенного чина по гражданской или военной службе. Кроме того, статус дворянина получали за особые заслуги перед государством в результате высочайшего пожалования или получения ордена. Законодательно было закреплено, что старшие внуки именитых граждан в возрасте 30 лет могли просить о присвоении прав дворянства при условии, что их отцы и деды сохранили свой статус «беспорочно». По традиции, в честь 100-летия коммерческой фирмы или в другие памятные даты представители первых гильдий или почетных граждан получали права дворянства (именно это произошло с предпринимателями Прохоровыми – владельцами Трехгорной мануфактуры).

Другой формой социальных отношений между дворянством и купечеством являлся брак. Купцы стремились войти в круг дворянства, что поднимало их социальный статус, и они могли получить привилегии «благородного» сословия. Дворянство, являясь привилегированным сословием, рассматривало брак с представителями более низкого социального статуса ниже своего достоинства, особенно в дореформенный период. В воспоминаниях дворян отмечалось, что в дореформенные годы такой брак, когда дочь купца выходит замуж за дворянина, считался мезальянсом [14, с. 87]. Примером может служить брак сына княгини Е.Р. Дашковой, который женился на незнатной девушке, дочери купца Алферова. Данное событие настолько расстроило княгиню, что она сильно заболела [16, с. 420]. При этом далеко не всегда браки, когда дворянин женился на купчихе, получали резкое осуждение. Так, автор воспоминаний «Черты старого дворянского быта», будучи представителем дворянского сословия, считала своим хорошим знакомым дворянина Е.Н. Булычева, который был женат на «вяземской купчихе Гайдуковой» [25, с. 118].

Конечно, были и такие браки, которые становились предметом городских сплетен и скандалов. В мемуарах А.В. Антонова есть следующая информация: «И.П. Подгорный, одно время исполнявший роль городского бургомистра, держал любовницу-дворянку, а затем женился на её дочери, не порыв

ая прежней связи с матерью». Подобные примеры малочисленны и, по сути, являлись отражением девиантного поведения. Во всяком случае, брак представителей дворянства и купечества скорее был формой социально-экономического партнерства. В воспоминаниях Г.Т. Полилова (Северцева) можно встретить этому подтверждение: «На имя нового зятя Егор Тихонович купил себе семь крепостных людей, так как купцы не имели на это право» [21, с. 26]. Не имея юридических оснований, купец получал ранее недоступные преимущества и привилегии, а дворянин – значительный капитал в качестве приданного. Подобное отражало социально-экономическую заинтересованность данных сословий друг в друге в дореформенный период. В большей степени это относилось к среднепоместным и мелкопоместным представителям «благородного» сословия, которые стремились поправить свое финансовое положение, и купцам, имевшим в свободном обороте значительные капиталы.

Еще одной важной сферой социально-экономического партнерства дворянства и купечества можно считать частное кредитование. В начале XIX в. возможность получить денежную ссуду могли предоставить как государственные учреждения, так и частные лица. В качестве кредитора чаще всего выступали представители верхних страт дворянства и купечества, что было обусловлено их финансовыми возможностями. В архивных материалах Курской губернии имеются свидетельства того, что частные кредитные отношения представителей рассматриваемых сословий были распространены явлением в дореформенный период. Причем денежные займы делали как дворяне, так и купцы. Подтверждением этому могут служить материалы дела о взыскании денег по заемному письму с жены помещика Ж.И. Сафоновой в пользу купца С. Мухина (1758 г.) [13, л. 9], дела по денежному иску помещика Е. Черемисинова к курскому купцу И. Голикову (1791-1798 гг.) [8, л. 82], дела о взыскании по заемному письму денег с помещика купцу Н. Бабину (1807 г.) [9, л. 42], дела о просроченной закладной помещику Кливетскому купцом Кирпичниковым (1815 г.) [10, л. 32]. Суммы займов находились в диапазоне от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч рублей. Ярким примером крупных займов можно считать дело о взыскании долга в сумме 225 000 рублей белгородским купцом Чумичевым с графа Потемкина, владельца Глушковской суконной фабрики (1837 г.) [11, л. 154]. Таким образом, частное кредитование становилось одной из форм социально-экономического партнерства дворянства и купечества.

Александр I манифестом от 1 января 1807 г. снял запрет для дворян на получение купеческого статуса. Тем представителям дворянства, которые не состояли на государственной службе, разрешалось записываться в первую и вторую гильдию, а с 1827 г. – и в третью. Дворяне, получившие гильдейские свидетельства, несли все городские повинности и имели привилегии обоих сословий [1, с. 5]. Широкого распространения подобная практика в среде дворян не получила, в источниках сохранились лишь отдельные примеры. Так, в материалах Курской казенной палаты зафиксирована запись в купцы третьей гильдии генерал-майора Ребендера [12, л. 154].

Социально-психологические особенности мировоззрения каждой отдельной сословной общности генерировались столетиями и поддерживались рос-

сийским законодательством. Современные исследователи отмечают, что капиталы, которыми владели представители дворянства, чаще всего не направлялись для осуществления коммерческих операций. Это было связано с социальной замкнутостью и хозяйственным традиционализмом «благородного» сословия [1, с. 6]. Коммерческая деятельность до определенной поры особо не заботила русское дворянство, экономические интересы которого в подавляющем большинстве ограничивались потребностями крепостного хозяйства. К тому же дворяне считали коммерческую деятельность недостойной своего «благородного» состояния. В отдельных случаях представители дворянского сословия являлись совладельцами акционерных предприятий. В воспоминаниях выходца из купечества Г.Т. Полилова, акцентируя внимание на важности промышленных предприятий для государства, перечисляются имена «фабрикантов»: «Генерал-лейтенанта дочь Мария Павловна. Фабрикант камер-юнкер Дмитрий Николаевич сын Геларов. Калужский 1-й гильдии купец и фабрикант Иван Иванович Зюзин...» [21, с. 52].

Социальная психология дворянина четко определяло его предназначение в служении государству, в то время как покупать и продавать считалось делом купеческим. Предприятиями, не компрометирующими дворянского достоинства, являлись конные заводы. Это было обусловлено не предпринимательским интересом, а в большей степени поддержанием своего «благородного» состояния и образа жизни [19, с. 51]. Но даже в рамках хозяйственного традиционализма дворянства можно выделить некоторые формы взаимоотношений, характер которых выражался в подходе: «Товар свой, хлеб и проч., мы к купцу в город для запродажи не возили тогда, как теперь. «Купец» сам к нам приезжал, и приезжал не так, как теперь, а скромно, на беговых дрожках или в тележке... Они делали свое дело, покупали и продавали...» [20, с. 143]. В данных отношениях каждый выполнял отведенные ему социальными нормами функции: помещик производил, купец покупал и продавал. В отдельных случаях это выражалось в нестандартных формах. Как отмечали современники: «Обходя запрещение приобретать на свое имя земли, они сначала брали ее в аренду на несколько лет, а как уже остепенятся, то всячески однодворцев уговора, купят дачу и под видом напишут дачу на родственника своего, имеющегося в положенном однодворческом окладе, и тако по той купчей, согласясь с тем своим родственником, имея особые дворы, папсут землю и засевают хлебом, и разводят на ней всякий скот, притом косят сено, имеют же и пчелиный завод» [22, с. 457].

Для понимания происходивших социальных процессов важно обозначить особенности межличностных взаимоотношений рассматриваемых сословий в контексте повседневности, а также воззрения дворянства на купечество. К концу XVIII в. у дворянства сформировались сословные характерные черты, которые кардинально отличали его от других сословий [18, с. 84]. Это проявлялось в различных внешних (имя, язык, одежда, образование, манеры) и внутренних формах (базовым элементом, который скреплял психологию дворянства в нечто целостное, являлось осознание своей сословной исключительности). А.П. Сумароков писал, что дворянская мораль должна отличаться от крестьянской морали, а Д.И. Фонвизин отмечал, что дворянин должен во всех отношениях быть выше простолю-

дина [18, с. 85]. Все это подкреплялось юридическим оформлением сословных привилегий. В свою очередь, монополия на право владения земельной собственностью и крестьянами давала дворянам большие преимущества в сравнении с другими сословиями. Стоит отметить, что дворянство не было однородным в материальном отношении, его отдельные категории имели довольно скромный достаток. «Мелкотравчатые» представители дворянства оказывались дистанцированными от верхних страт дворянства, чаще всего находились на более низком культурном уровне, строже придерживались помещичьего традиционализма [15, с. 85]. Но даже мелкопоместные дворяне, которые не имели больших капиталов, кичились своим привилегированным положением. В воспоминаниях М.С. Николевой говорилось: «Помню я одну особу (трудно назвать её дамой) Агафью Михайловну Бибикову, которая не знала лучшего достоинства человека как принадлежность к сословию дворян... Она с гордостью повторяла без всякой надобности «я дворянка» и доказывала свое привилегированное положение тем, что, потянув длинные ноги, развалится в кресле, закинет руки на затылок и зевает громко, приговаривая: о-хо-хо!» [25, с. 118]. Даже не имея экономических оснований, представители мелкопоместного дворянства в своем подавляющем большинстве были зациклены на своем знатном происхождении.

В дореформенный период неприязнь, а времена и презрение представителей дворянства к купечеству были распространенными явлениями. В дворянских воспоминаниях есть множество примеров негативных высказываний в адрес купечества, но наиболее точно передал суть межличностных отношений С. Атава (С.Н. Терпигорев): «На «купца» смотрели не то чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас! Такой же ты мужик, как и все, только вот синий сюртук носишь, да пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собой вместе все-таки нельзя: в салфетку сморкаешься» [20, с. 143]. Данную тенденцию подтверждали представители купечества. Так, в мемуарах А.В. Антонова отмечается следующее: «Юноши (купцы) стремились похвастаться приятельскими связями в дворянском кругу. Так как честные и благородные русские дворяне их игнорировали, то их друзьями становились «промотавшиеся щеголи и волокиты, проигравшиеся любители рысаков, выгнанные из службы офицеры» [5, с. 43]. Видный драматург, публицист и предприниматель А.С. Ушаков в середине 1860-х гг. с сожалением отмечал, что купец отечественными авторами представлен как «отребие» общества. Он также добавлял, что во многом в подобном отношении виноваты недостатком образованности, светскости, неразвитостью чувства собственного достоинства сами купцы [24, с. 195].

Но были и отношения обратного порядка. В частности, в воспоминаниях М.С. Николевой стоит отметить интересный случай, когда её мать, оставшись без средств к существованию, попала на попечение к купчихам Шишковым, о которых пишется только в положительном контексте. Сибирский купец В. Баснин, повествуя о поездке в Петербург, указывал, что был приглашен в дом княгини Е.С. Шляховой и с восторгом отмечал: «Гостеприимство, оказанное княжной Клеопатрой Михайловной (дочерью княгини), навсегда окажется в моей памяти. Прошу тебя, друг Лизанька, поблагодарить за меня кого следует в Иркутске за необыкновен-

ный прием, мне сделанный княжной Клеопатрой. Добрым и непритворным своим чувством она меня (и впоследствии приехавшего господина Шелихова, моего товарища, одинаково и Дмитрия Осиповича), обязала столько, что благодарность пера была бы очень слаба» [23, с. 161]. Хотя таких примеров имеется немного, но они, тем не менее, дают основание утверждать о сложности и неоднозначности межличностных отношений дворян и купцов в дореформенный период.

Разница между представителями рассматриваемых сословий была очевидна и на социально-бытовом уровне, она в первую очередь выражалась в различиях социально-психологического плана. С. Атава (С.Н. Терпигорев) отмечал: «Не знаю, понимали ли, или, лучше сказать, чувствовали ли «купцы», что на них так «господа» смотрят, но, если и понимали, они этого все-таки не показывали. Они делали свое дело, покупали и продавали, садились на ближайший стул от двери, вставали с него каждую минуту, улыбались, потели, утирались, будучи совершенно не в состоянии понять наших рассуждений о политике и всякой чертовщине, составлявшей предмет наших бесконечных рассуждений, как только мы, бывало, съедемся. Не будет ошибкой, если мы допустим, что, слушая наши рассуждения о том, что предпримет Наполеон и какие планы у Пальмерстона, и наслушавшись утром у прикащика его рассказов о той путанице и бестолковщине, какая идет у нас в хозяйстве, они думали: э-эх, далось им в руки сокровище земля, да еще работники к ней даровые, а они, вместо дела, чертовщину несут!» [20, с. 143].

В подавляющем большинстве случаев позитивные взаимоотношения между дворянами и купцами обуславливались схожестью социально-экономического положения и растущим уровнем социального статуса купца. В первой половине XIX в. начинает утверждаться идея приоритета личностных качеств над сословными привилегиями. В общественном сознании купечество перестает быть «темным царством», а, напротив, всячески стремится получить образование и воспитание на дворянский манер [2, с. 163]. Появляется идея, что купечество станет почетным сословием, и к началу XIX в. на это уже были все основания. В российском законодательстве первые предпосылки к этому стали появляться еще в конце XVIII в. «Жалованной грамотой городам» представители купеческого сословия освобождались от подушной подати и рекрутской повинности (второе при условии уплаты денежного откупа). Представители первых двух гильдий освобождались от телесных наказаний, что ставило их в этом отношении в один ряд с дворянством. В 1807 г. было установлено звание «первостатейных купцов», которые вносились в «бархатную книгу купеческих родов» по аналогии с дворянством, а в 1832 г. это звание было заменено «почетным гражданством», которое по примеру дворянского сосло-

вия могло быть личным и потомственным. Кроме того, лица, состоящие в первых гильдиях или почетном гражданстве, могли носить шпагу или саблю, ездить по городу в карете, а также приезжать к императорскому двору [17, с. 84]. Таким образом, в российском законодательстве отчетливо прослеживался рост социального статуса купечества, а факт наличия особых прав и привилегий приближал его к привилегированным сословиям.

Эти нововведения изменяли не только социальный статус купечества, но и стали одной из причин роста купеческого самосознания. Современные исследователи отмечают, что, хотя купечество было весьма разнородно по уровню образования, культуры и материальному состоянию, но общая тенденция роста общекультурного уровня становилась очевидной [23, с. 161]. Именно в первой половине XIX в. происходило формирование сословного менталитета русского купечества, где на первое место становилась уже не идея личного обогащения, а общественного служения – гражданского долга. Так, приложение капитала нашло применение в традиционной для русского купечества благотворительности, когда огромные суммы жертвовались на развитие образования, культуры и социальной сферы. Понимая значимость такой деятельности, в среде купечества формировался национальный тип купца-предпринимателя. Такие процессы нашли отражение в купеческих мемуарах, которые сами по себе являются показателем становления и развития самосознания личности, превращаясь в факт общественного сознания. Тем не менее, это не могло полностью сблизить рассматриваемые сословия в социально-психологическом плане. Сословное мировоззрение «благородного» сословия было чрезвычайно самобытно и обособлено, отличалось значительным консерватизмом. Особенно отчетливо это демонстрировали верхние страты дворянства.

Таким образом, проведенный анализ межсословных отношений представителей дворянства и купечества в дореформенный период показывает, что они были представлены в различных формах, таких как брак, частное кредитование, акционерная форма партнерства в промышленности, взаимодействие в рамках хозяйственной деятельности и межличностных отношениях. Именно в дореформенный период были заложены основы, которые в последующем определили социально-экономическую заинтересованность рассматриваемых сословий друг в друге. Купечество, имея значительные капиталы, могло заинтересовать этим дворянство, которое всегда привлекало купечество экономическими и социальными привилегиями «благородного» сословия. Но стоит отметить, что различия социального статуса, уровня культуры и образованности ставили преграды социально-психологического плана, которые выражались в сохранении негативного восприятия купечества дворянством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барышников, М. Н. Деловой мир России [Текст] / М. Н. Барышников. – СПб. : Искусство-СПб, 1998. – 448 с.
2. Брянцев, М. В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX века : дисс. ... докт. ист. наук : 07.00.02 [Текст] / М. В. Брянцев. – М., 2000. – 616 с.
3. Бурыйшкін, П. А. Москва купеческая [Текст] / П. А. Бурыйшкін. – М. : Высш. шк., 1991. – 350 с.

4. Вишняков, Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых [Текст] / Н. П. Вишняков. – М., 1911. – Т. 2. – 95 с.
5. Грачев, И. В. Купцы о купцах. Нравы рязанского купечества первой половины XIX века. Взгляд «изнутри» [Текст] / И. В. Грачев // Московский журнал. – 2013. – № 2. – С. 42–49.
6. Гудков, Г. Ф. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки [Текст] / Г. Ф. Гудков, З. И. Гудкова. – Уфа, 1985. – 475 с.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). – Ф. 567. – Оп. 1. – Д. 375.
8. ГАКО. – Ф. 106. – Оп. 2. – Д. 56.
9. ГАКО. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 450.
10. ГАКО. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 650.
11. ГАКО. – Ф. 567. – Оп. 1. – Д. 194.
12. ГАКО. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 2334.
13. ГАКО. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 603 (6).
14. Засосов, Д. А. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев [Текст] / Д. А. Засосов, В. И. Пыпин. – Л. : Лениздат, 1991. – 269 с.
15. Истомина, И. В. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50-90-е гг. XIX века : по материалам Центрально-Черноземных губерний : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 [Текст] / И. В. Истомина. – Белгород, 2013. – 176 с.
16. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова [Текст] // Русская старина. – СПб., 1874. – Т. IX. – С. 405–438.
17. Леднев, А. П. Социальный статус российского купечества в XVIII – первой половине XIX века [Текст] / А. П. Леднев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11(73). – С. 83–85.
18. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) [Текст] / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 458 с.
19. Набялэк, О. Э. Проблема пореформенного поместного дворянства в восприятии русского общества (по материалам художественной литературы и публицистики) : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 [Текст] / О. Э. Набялэк. – М., 2015. – 247 с.
20. Терпигорев, С. Н. Оскудение: Очерки помещичьего разорения [Текст] / С. Н. Терпигорев. – СПб., 1881. – 389 с.
21. Полилов, Г. Т. Наши деды-купцы. Бытовые картины начала XIX столетия [Текст] / Г. Т. Полилов. – СПб., 1907. – 328 с.
22. Семевский, В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II [Текст] / В. И. Семевский. – СПб., 1901. – 1038 с.
23. Семенова, А. В. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. [Текст] / А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Середа. – М. : Российская энциклопедия (РОССПЭН) : Памятники исторической мысли, 2007. – 470 с.
24. Ушаков, А. С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны [Текст] / А. С. Ушаков. – М., 1865. – 195 с.
25. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания М. С. Николовой [Текст] // Русский архив. – 1893. – № 3(9). – С. 107–120.